

**АНДРЕЙ
СУТОЦКИЙ**

**БЕРЕСТЯНОЙ
ОРИЕНТИР**

(стихотворения)

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Сутоцкий

Берестяной ориентир.
Сборник стихов

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Сутоцкий А. М.

Берестяной ориентир. Сборник стихов / А. М. Сутоцкий —
«ЛитРес: Самиздат», 2009

В книге собраны лирические и философские стихи, написанные в 2009–2012 гг. Главная идея моего творчества заключается в желании понять и прочувствовать вечные смыслы бытия, неотделимые от реальной жизни моего родного русского народа. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЗАРИСОВКА	6
ОСТАТОК	7
СОН УСТАВШЕГО МАТРОСА	8
«ДАЛАЙ-ЛАМА»	9
В ТОСКЕ ПО ДРУГУ	10
РОССИЯ	11
Ё МОЁ	12
НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО	14
ДРУГУ ХУДОЖНИКУ	15
ЭКСПРОМТ	16
СТОИТ ЗАМЕТИТЬ	17
С ДОБРОЙ ПАМЯТЬЮ	18
В ПОЮЩЕЙ ТИШИНЕ	19
ВРЕМЯ – ЗОЛОТО	20
НЕ ПОЛНОСТЬЮ	21
НЕУЛОВИМАЯ ПОПЫТКА	22
К АНДРЕЮ РУЛЕЦКОМУ	23
ИЛЛЮЗИОН	24
ОЛЬШТЫН	26
ВИЗИТЁРЫ	27
ПО ОБЕ СТОРОНЫ ДВЕРИ	28
ОДНА ДЛЯ ВСЕХ	29
ХАЛЦЕДОНОВЫЙ ЛЕВ	30
ВЕЧЕРНИЕ ГОЛОСА	31
СТРАХ ПРЕД ТИШИНОЙ	33
В РАЗДУМИИ НАД ПЫЛЬНЫМ МАНУСКРИПТОМ	34
ТАНЦУЮЩИЙ ВОЛШЕБНИК	36
АМУЛЕТЫ ЛЮБВИ	37
ИЛЛЮСТРАЦИЯ №1	38
ОХОТОВЕДЧЕСКИЕ ЯМБЫ	39
ВОРИШКА	40
ЗНАХАРКА	41
ВО ТЬМЕ ПРИВИТЫХ СЛОВ	42
РАДУГА	43
ВЧЕРАШНИЙ МАЛЬЧИК	44
ЖОПАЧА	45
ПСИНА	46
... И ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ	47
ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ВСТРЕЧА	48
НЕИЗВЕСТНАЯ ПРИМЕТА	49
СЛОВАМИ СКОРБИ	50
...НО ЭТО БЫЛО	51
ТАЙНА ОЛЬХИ	52
ЭТЮД	53
СОФЬЮШКА	54
УПУЩЕННОЕ ЧУДО	55

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ	56
ГОРОДСКИЕ ОТТЕНКИ	57
БЕЗВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ	58
ВОПРОС	59
ТЕНИ	60
НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ЭТЮД	61
РАССВЕТНО-МИНОРНОЕ	62
ПОМИНАЛЬНОЕ	63
АНГЕЛ ПЕТРОВИЧ	64
ДЫРЯВАЯ ДУША	66
ЛИСТОК ИЗ БЛОКНОТА	67
МУЛЬТИ-ПУЛЬТИ	68
... ДА ВСЁ ПРО МАСТЕРА ИСКУСНОГО И ЗАВИСТЬ	69
ИЗ ПИСЬМА К ДРУГУ	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

ЗАРИСОВКА

Цветком восхода высвечены горы
Под чёрной тряпкой выжатой грозы,
Куда глядит нахолившийся ворон,
Пустив в ответ картавый свой язык.
Не молод он. С ветвей сбивает осень
Пурпур листвы, цепляясь за крыла...
А там внизу отчётливая проседь
В пустую рощу тропкой пролегла.
Теперь его защитой стала ёлка.
В густой хвое, на южной стороне
Бесславить жизнь в остатке лет – неловко
И... сожалеть, состарившись, о ней.
Поди, узнай, что скрыто в чёрной птице,
О чём кричит крылатый старый птах...
Но ширь зари раздвинула границы
И... птичью смерть отбросила на взмах.

ОСТАТОК

И вот настали времена,
В которых делится остаток;
В которых жизнь гребём со дна,
А дух до низменного падок.
Мальш с игрушкой на полу
Так беззащитен, так потерян,
В то время, как свою хвалу
Рабы возносят трону зверя.
Куда идти и для чего
Ребёнку правды, коль войною
Закинут будет он в окоп?..
...а в похоронке – остальное...
Упав ничком у школьных стен,
Прижат он дулом автомата...
Теперь не встать ему с колен,
Став окончательно приматом.
А жизнь – она не бережёт
И раздавая погремушки,
Пренебреженно обожжёт
Косой костлявенькой старушки.
Так как же детство уберечь
И защитить в любовь шагнувших,
Когда изъят из ножен меч
На святость детства посягнувших?

СОН УСТАВШЕГО МАТРОСА

Когда золотая варажка,
Блестя над взволнованным пОнтом,
Наполнит надеждой ветрило
Лодейки, обросшей ракушкой –
Дышать уже станет не страшно,
Проявятся тихие ноты...
И там... в небозорье... забрезжит
Приветливый, радостный свет...
Уставшего за ночь матроса
С собой заберут сновиденья.
Ключами судьбы не владея,
Сквозь липкую солость и бред,
Он взмлет в трансфертном полёте
Над пенисто-мутной водою...
И крикнет ослабшей стихии:
«Виктория! Слава Творцу!
Свободен! Свободен! Свободен!...», -
Но, тут же, сквозь радость, застонет,
Увидев, как мокрой ладонью
Закроют глаза мертвецу.

«ДАЛАЙ-ЛАМА»

«Не делю я космос пополам, ведь,
Как известно – он со мной един...», -
Говорил мне русский «далай-лама»,
Из Рязани в Лхасу на пути.

Ты погодь, скиталец светоносный...
Даром, что по вере ты – буддист,
Разъясни, разжуй, пока не поздно,
Если надо к Небу обратиться,
Тайну строк протяжных, благозвучных,
На язык души переведи,
Чтоб без всяких способов научных
Я сумел над пропастью пройти.

Вот иду я по лесу устало,
Сокровенной думой занят
На зарю, что в тучах заплутала
И по цвету стала голубой...
Далеко отсюда до Тибета ...
Но да мудрый станет ли искать
В иноземье – Родины рассветы,
Чтоб в рассветах Родиною стать?
От корней душа его пылает
И творятся радостью дела!
Ну, какой ты, к чёрту, далай-лама,
С бородой рязанского козла?
Оглянись, любезный мой мечтатель!
Чем ты мог, подумай, пренебречь?..
.....

А буддизм... – из Индии он, кстати,
Где звучит архангельская речь...

В ТОСКЕ ПО ДРУГУ

Обо всём понемногу, по букве, по звуку,
Я хочу рассказать... Но в ответ – тишина.
Без друзей одному – невесёлая штука
И... бутылка за вечер опустошена.

Развивать не хочу: до банального скучен
Ход житейских проблем и заштатных ролей.
Но ведь время рождения жизни – не случай,
Чтоб вот так прогореть до холодных углей.

А читать между строк, уж куда интересней,
Чем топтать эту топь и иметь эту блажь...
И душа – на разрыв, и рождается – песня
Под фаянсовый звон расколовшихся чаш.

Не спешите судить, шелухой давиться:
Все мы зёрна и здесь нам своё дозревать...
Где ж ты друг? Помоги от тоски отлучиться
И...
опять,
как всегда,
на года замолчать.

РОССИЯ

И что-то всё у нас не получается...
Плывёт размытый домик из песка...
По сорок раз на дню вожди меняются
И револьвер стрекочет у виска.
Какой там прок от грёбаного «паруса»!
Куда лепить заплаты?! Что латать?!
В одно мгновение высох и состарился
Рождённый никогда не умирать.
Кидает нас, как щепку, ветер времени
От рабства до свободы и назад.
Вчера ещё мы Небо взглядом мерили.
А нынче в бой бросаем салажат...
Из тесных стен взываем к бесконечности,
Забыв себя до трёх поганых слов.
Ведём на трон с неслыханной беспечностью
Иноплеменных духом холуёв
И те, столкнувшись с русскими талантами,
Опять понять не могут наш народ:
Хотеша быть в лаптях, но с аксельбантами
Он окиан под стопку в брод пройдёт.
Ай, широка душа у нас вселенская!
Да, жаль, не долгод выстраданный мир...
И семь дощатых пастырей – растрескались:
Их залил воском храмовый «факир».
Хоть плач, но не ужиться в этом городе,
Где лошадей держат за удела,
И мир гранитных плит так сер и холоден...
А вечный жид, что кормит со стола
Своих рабов, бросая в рот им крошево,
Чтоб не подошли часом до утра...
И пляшем мы пред этой хитрой рожею,
Толкая мир к бессмертью за «сто грамм».
И сами мы не знаем, что нам по`сердцу...
Простор полей, затворы ли тюрьмы?..
Но там, в груди, гудит, как отголосица,
Живой Огонь Великой Костромы.

Ё МОЁ

Так и сяк клянёт судьбу
Ванька – русский дуралей.
След «гранёного» на лбу:
Гад, нажрался до соплей...
Не привьёшь ему закон,
Не причешешь его нрав.
– Что, братишка, нелегко?..
Так и знал: лишили прав!..

Культивируя враньё,
Шепчет Ванька, морща лоб:
«Эт вы, пришлое ворьё,
Нашу Русь загнали в гроб!»
Не согнать его с печи
И от снов не отодрать...
«Лишь бы выпал с неба чин...
Лишь бы щучину поймать...»
Но да сказки нет, как нет.
А работать – шибко лень.
И садясь на табурет,
Он рассматривает – тень.
«Эх, враги! Кругом враги!»
Кроме собственного «я».
«Ускакал бы, ... да ноги
Не закинуть на коня...»
– Стоп, «Емеля»! Не мели!
Поразмысли и просей!
Не о том душа болит
У тебя, мой корифей.
Не боись, Ванёк! Не трусь!
Храбрецам – почёт и честь!
Воздержись пока про Русь
Разглагольствовать бог весть...

Кто и как, какой иглой
Ввёл в нас этот генокод?
От того ли нам порой
Так смертельно не везёт?
От того ль, к несчастью, мы,
Зачиная жизнь свою,
С первых слов – разобщены
И всё время на краю?..

– Что, фантазий не унять?
Хочешь бабу из дворца
Затащить в свою кровать

Колдовской игрой слова?..

А заморским то князькам
Таки увальни нужны,
Что дают себя впрягать,
Да разглядывают сны...
Пусть отлавливают шук,
Ищут с Бабою Ягой
Василис, коль недосуг...
Лишь бы в царство – ни ногой.
Так чего же мы, братья,
От судьбы своей хотим,
Если лень одну плодя
То и дело норовим
Упендюрить за «порог»,
Растянуться на печи,
Вместо дела, видя толк
В бреднях спившихся мужчи?
Вон, опять бубнит Иван
Недовольствия свои.
Бражку брызгая в стакан,
Безобразен, словно свин.
Не устанет ведь мечтать!..
И плевать ему на то,
Что закончил я писать
С болью в сердце!.. Ё-моё!

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО

(романс)

Я вас прошу, не проходите мимо
Проникновенно-горьких детских слёз!
Людская жизнь ничем невосполнима
Без чутких душ. Задумайтесь всерьёз...
Хотя бы раз задумайтесь всерьёз...

Не бойтесь, люди, щедрых подаяний
Убогим нищим, падшим и больным.
Чтоб жить в любви – не миновать страданий:
Они нам вместо сытости даны.
Они нам вместо сытости даны.

Жестоко время! Сколько дней впустую
Ты тратишь трагик, мучая себя,
Не замечая Истину Святую,
Пустое дело приторно любя.
Пустое дело приторно любя.

Всё ищет след голодная волчица,
И множа гам, слетает вороньё
К тому в чьё сердце с умыслом стучится
Людское зло – обман пред алтарём.
Людское зло – обман пред алтарём.

Скажи мне, друг, доколе слабость эта
В пучины мрака будет нас ввергать?
Скажи мне, друг, дождусь ли я ответа,
Чтоб самому любить не опоздать,...
Чтоб самому любить не опоздать,

Когда несмело, розовой зарёю
Проглянет день поверх золотых полей
И понесёт свой мёд пчелиным роем
Волна Любви всё ярче и теплей?
Волна Любви всё ярче и теплей...

ДРУГУ ХУДОЖНИКУ

Смотрю в квадрат окна, а там – весенний праздник!
Возьми его, мой друг, на кисточку свою
И выплесни на холст во всём многообразье...
И ночь пройдёт без сна у творчества в плену.
Ах, сколько красоты проходит без вниманья!
Безбрежный мир её – объять нам не дано!
Но если мир – туман, закат на заднем плане,
То мой художник пьёт пурпурное вино.
Он подождёт... Придёт... Рассвет раскроет шторы...
И стылый мокрый день окрасится листвой.
Несмелый штрих, другой, и луч – прорежет горы
И превратится в нимб над женской головой.
Но, как не восхотеть, не попытаться сделать
Подобие Любви, хотя бы в трёх цветах,
Чтоб кровь иных сердец в тоске не загустела
И возвратила им желание – пылать!
Рисуй, художник мой... Пусть свежесть акварели
Целит, как эликсир, тревожит, как весна...
А если, что не так – не злись... По крайней мере
В сомненьях не сгорай и... позови меня...

ЭКСПРОМТ

На славу банька топится.
Плывёт дымок забот.
В окошко дождь колотится –
Вечерний гость суббот.
Поднять бы настроение
Парком, да в самый раз!..
И жалю с нетерпением
Суставчики я вас!
На славу банька топится, -
Дымит, как паровоз.
Сегодня я, как водится,
Поддам парку всерьёз,
Чтоб вновь родиться заново
С колючею водой,
Чтоб вы сказали сами мне:
«Мужик то, молодой!..»
На славу банька топится!..
Смолистый едкий дым.
Но печка не торопится
Поднять тепло воды.
И я в уединении,
Забрав с собой «ключи»,
Колдую над поленьями
И чувствую: стучит
В висках от жара тесного
Открывшаяся суть...
А, стало быть, известно мне,
Как молодость вернуть.

СТОИТ ЗАМЕТИТЬ

Новый день так богат на сорнячные травы, а зелень
Благородных культур – не всегда попадает на стол.
Новый день поднимает не то, что вчера мы хотели,
Правдолюбов меняя на тех, кто неистово зол.
Я на солнце смотрю через синие шторы июля:
Наплывая клубами, грохочет гроза второпях...
Знать, опять не туда долгожданные ветры подули,
Серый ливневый след оставляя на тёплых камнях.
Новый день-поводырь, ты не слушай наивные речи,
Что теснятся в мозгах бесшабашно летящих во тьме!..
Лишь часы на стене отбивают, как молот кузнечный,
Всё пытаюсь до нас донести цену наших потерь.
Новый день. Но обратно, несёмся под горку обратно,
Скачем старой иглой по дорожке пластинки, заев...
И встречая рассвет, видим алые зори заката;
Пожинаем плоды, а по времени только – посев.

(никогда не клянись на святом в обещаниях другу:
не срастаются клятвы, ты знаешь, с делами людей;
подожди, не спеши, чтоб не пасть перед ним от недуга,
неожиданно ставших тобою враждебных идей)

Нам несёт новый день новый смысл недочитанной жизни.
Он суфлирует нам, но не слышим мы реплик его,
Оказавшись для жизни отнюдь не такими чужими,
Как глухими и злобными душами. Гонг
Прозвучит и пронзит, ввысь подняв непослушные крылья,
Оторвав от земли не без боли, под крики и стон.
Помоги, новый день! Проведи нас! Мы всё позабыли,
Растрясли по углам, будто пыль, неохватный восторг!
Быть в тебе, новый день, а не тлеть раздуваемым пеплом,
Не выдумывать снов, чтоб пытаться их все воплотить.
И ведь страшно подумать!.. Простите, но что за нелепость -
Начинать эту жизнь, а в реальности так и не жить?

С ДОБРОЙ ПАМЯТЬЮ

Говорила однажды мне бабушка
Про нелёгкую долю свою.
Я садился к ней, помнится, рядышком,
Как, бывает, садятся к огню.
И тепло её слова, прочувствовав,
Неуёмный, патлатый пижон,
Я часами внимал ей без устали,
Добротою её заражён.
О трудах незнаваемых отдыха,
О годах нескончаемых войн
Говорила бабуля да охала,
Всё качала седой головой.
А в глазах её – солнышко юное,
А в речах – безмятежный покой,
Будто парус дорожкой лунною
После бурь возвращался домой.
С той поры много времени минуло...
Был бы уповод, то ведь – года...
Но завёт меня снова по имени
Неземная её Доброта;
Наставляет настойчиво, сдержанно,
Маячком указуя мне путь...
.....

– Только ты мне, Родная, по-прежнему
Помогаешь с пути не свернуть.

В ПОЮЩЕЙ ТИШИНЕ

Объял, как обруч, мыслей хоровод,
А в центре – я, – отнюдь не исключенье.
Закреть глаза, не думать наперёд,
Не предавая образам значенья
До тишины спокойного ума,
До светлых строк разлитых по страницам,
До глубины, не ведающей дна,
Где так легко пропасть и возродиться,
Истосковавшись в радость по Любви
И новым дням, чья жизнь – одно мгновенье...
Но я ушёл, отвлёкся, проявил...
И... задержался на стихотворенье...
Ах, мысли, мысли, трудно вас унять!
И я опять болею над строкою;
Забыв покой, стараюсь передать
Изящным словом формулу покоя.
И мир не спит, со мною допоздна
Он ждёт рассвет катарсиса и страсти,
Чтоб где то там, пополнив имена,
Извлечь из тишины моё участие...

ВРЕМЯ – ЗОЛОТО

(Женщине снился сон, будто одна из её подруг, что умерла недавно, тихо сидела у дома на скамейке, лузгала семечки и молчала. Тут её женичина и спрашивает: «Скажи, а как там, на том свете живётся?» Но ответа не последовало... Видение исчезло....)

Явленный нам отрезок,
Жизнью, который зовётся,
Ухает камнем в бездну
И, в общем-то, не остаётся...

Ветры с дождями бесследно
Сводят наскальную роспись...
Дремлет под тёплым пледом
Старость, вдыхая осень.

Ясно, что будет дальше:
Не заслонят туманы...
Разве старик уставший
Годы свои обманет?

Скажет старик: «А ну вас...
Всё подавай вам сразу!
Небу не повинуюсь,
Быстро сгорает разум.

Там где цветут сомненья -
Не расцветает счастье.
Не удлинить мгновенья
И не разбить на части...

Не торопись, не стоит...
Разуму будь послушен.
Верить пустым ладоням -
Значит, забыть про душу.

Явленный нам отрезок,
Жизнью, который зовётся,
Ухает камнем в бездну
И, в общем-то, не остаётся...

Но остаётся – Солнце;
Солнце – Оно расскажет...
И вдохновенный Моцарт
Прошлое
с будущим
свяжет.

НЕ ПОЛНОСТЬЮ

От чего же душе моей снова не весело?
Где свернул я с пути и пошёл ковылять?
Невозможно в любви удержать равновесие...
И чем краше брильянт, тем удобней терять...
Удивительный факт: не выходит не нервничать,
Дабы выровнять слог, не плутая в словах.
Разбивают сердца аккуратные мелочи,
Что нельзя обойти и... пе-ре-та-со-вать...
Никакой маскарад не спасёт от падения.
Гложет совесть в зацеп, а вины – не найти,
Чтоб спокойно войти в эпицентр осуждения
И, как жертву, себя на алтарь принести.
Кто, скажи, оградит от неверного помысла
И прицельной стрелы оскорбительных фраз?
От того, может быть, мы и любим не полностью,
Чтобы наша любовь не оставила нас.

НЕУЛОВИМАЯ ПОПЫТКА

Стоит пьянчуга в магазине
С копилкой полною монет
И вдруг решает, что отныне
Бросает пить: желанья нет...

Не от того ли, что «поллитрой»
Вчера словил он по губам?
Капец, мужик!.. Судьба разбита...
Как тать – стеклянная судьба...

Стоит пьянчуга в магазине
И с грустью смотрит на ряды
Больших витрин, где зреют вина
С названьем проще простоты.

И не решаясь сделать выбор,
Вращая «банк» «смешных» монет,
Он размышляет: «Может рыбы?
Иль, это... – фарша для котлет?

Пойти купить ребёнку сладость?
А вдруг расстроится живот?
Так значит, стало быть, не надо:
Жена сей подвиг не поймёт...

В зеркальных стенах – отраженья.
Повсюду носится народ...
И тут он видит во смущенье
Свой искривлённый синий рот...

Затем глаза скучнее скуки,
Промокший серый пиджачок...
И отражением напуган,
Он смачно сплёвывает: «Чёрт!..»

Но чуть подумав, заявляет,
Бросая фразу в никуда:
«Когда хочу – тогда бухаю...
Пошли вы на хер, господи!»

И выходя с бутылкой водки,
Не устояв в бою с собой,
Он ловит бодрую походку
И отправляется в запой.

К АНДРЕЮ РУЛЕЦКОМУ

Мы встречаемся, как правило, раз в год,
Чтоб друг с другом побеседовать по-светски.
«Здравствуй, тёска! – и... улыбка во весь рот,-
Честь имею, господа... Андрей Рулецкий».
Он не строит грандиозных планов и
Не лоснится от похвал в кругах элиты...
Простоват и неприметен его вид,
Чтоб считать его одним из знаменитых.
Две недели без «Мосфильма» и кино,
В южном городе – калеке двухэтажном,
Мы вкушаем с ним французское вино
Под гармонику мехами на растяжку.
И настырно повторяются звонки
Надоедливых мечтательных поклонниц,
Что готовы процарапать потолки
Ради встречи со звездой своих бессонниц.
В этом ритме нам покоя не найти...
Но ушедшее дразнит благозабвеньем...
Так и хочется столкнуть себя с пути,
Растворив всеузнаваемость в деревьях.
Что осталось от четырнадцати дней -
Разметут ветра Москвы до серой пыли...
«Извини, не обижайся, друг Андрей,
Что с тобой мы славу переговорили.
Жизнь, ты знаешь – переменчивая вещь.
И признание – банановою коркой...
Невостребованность – алчущая пещь,
Тёмный холод содержащая без толку.
Ты давай там без апломба и корон
И заплёванных дорожек поп-культуры...
В общем, ставь (не ошибёшься) на зеро,
Чтоб не сдохнуть за бабло да за амуры».
Жарко дышит через ночь его гармонь
Под есенинские выпуклые строки...
А за окнами всё кружат меж домов
Потерявшие актёра полубоги.

ИЛЛЮЗИОН

У Лёни день варения.
Шинкуется салат.
... и жжёт в груди волнение
Грамм, этак, с пятьдесят...
Открыта пачка «Уинстона».
Мобильник к уху льнёт...
В ответ ему неистово
Орёт мордатый кот.
Жена глядится в зеркало,
Кривит губастый рот;
С утра к подруге сбегала,
А та – наоборот...
Слетелись гости быстрые.
В прихожей теснота.
Загладили, затискали
Несчастливого кота.
Затем, с блаженной мимикой
Уселися за стол.
Под ухо имениннику
Пропел басок густой.
И вмиг звеня бокалами
Залили водку внутрь...
«Ой, в горле что-то встало мне...
Не охнуть, не вздохнуть...»
Включили громко музыку.
Подняли телеса.
Тряся мослами, пузами
Отправились плясать.
Прошло немного времени
И вот он – скотный двор:
Кого-то бьют по темени,
А кто-то мелет вздор...
Прокуренные, потные
Идут делить кровать:
Теперь уже охота им
Попарно отдыхать.
А тараканы хищные
Видать того и ждут,
Когда оставят пищу им
И пьяные уснут...
Лишь Лёня ходит-мается:
Ни выпивки, ни баб...
Из бутылки пытается
Рассольчик «отхлебать».
Но, всё, угомонился он
И мат завис у рта...

И жизнь, как пепел с «Уинстона»
Слетает в никуда.

ОЛЬШТЫН

(впечатление экскурсанта)

В небольшом городке под названием Ольштын,
Где в минорной тиши размышляет орган,
Худощавенький гид переводит дотошно
На московский язык... не спеша, по слогам...
Я послушно иду по замшелым камням,
Окружённый колючками шпилей и спиц
И гляжу на окно, где великий Коперник
В склепе каменных стен был свободнее птиц.
Но меня это фэнтези не привлекает:
Игры магов, теней, палачей, колдунов...
Вон в эргастуле вновь звездочёта пытаются,
По углам пентаграмм роют жерла костров...
Камня лунные сны коридорами бродят...
На гранитном столе веер брошенных карт...
Короли, кардиналы, герои-уроды...
А в умах и глазах – нездоровый азарт.
Ты уж, гид, извини: в этом логове зверя
Вспоминаю я воздух российских полей,
Над которыми, к счастью, кружат не злодеи,
А невинные стаи святых голубей.

... с любопытством прожив эту грустную сказку, ...
Я едва ли забуду соборный орган,
Что гудел о Любви, и дай Бог – не напрасно,
На партиту связав двух миров берега...

ВИЗИТЁРЫ

Эллипсы, шары и треугольники
По-хозяйски меряют наш мир.
Ночь. Не сплю. Сажу на подоконнике,
Засоряя мыслями эфир...

А вокруг – бриллиантовые отсветы
Выставляют тайну напоказ...
Успокойтесь: мною они отсняты.
Аль не убеждает это вас?
Им дразнить, должно быть, очень нравится,
В кулачок высмаркивая смех...
Что от них грядущему останется?..
Что от нас останется от всех?!
Чьё тому виной высокомерие,
Не желанье выйти на контакт?
А в итоге – «Факты не проверены...»
... и НИИ уходит на антракт.
В это время шарики «стерильные»,
Проникая через многослой,
Опускают лестницы с перилами,
Без труда зависнув над Землёй...
А по ним, нисходят непокорные
В долгих прятках светобожества,
Чтоб найти нас в тесных тёмных комнатах
И помочь нам тёмным... заблестать...
Так не так... – мы прочно с ними связаны:
Цель – одна, где сходятся пути...

И висят игрушки лупоглазые:
Не допрыгнуть и не обойти.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ДВЕРИ

В тот миг, когда толстый дядя
Крутился в своём кабинете
На кожаном кресле... когда
Грудастая тётя в платье -
Аля перуанское лето,
Вносила «паранский» кофе
Вышагивая от бедра...
В тот миг, когда кто-то в чёрном,
Склонясь в лицемерной позе,
Достал «Walther P»... когда
Из вазочки золочёной
Упали на стол три розы
И страшный орлиный профиль
Откликнулся на металл;
В тот миг, когда белый конвертик
Нырнул в отодвинутый ящик
И злое перо закрипело,
Хитро выводя нули –
За дверью того кабинета
Стоял любопытный мальчик,
Читая по буквам несмело
Фамилию. Вот, прилип!..
«Дыр-ды-нов, Дур-ды-нов, Дан-дры-нов», -
Сбивался пацан и... в хохот...
(А хохот гремел погремушкой
По коридору) и...

Мгновенье. Толстяк подпрыгнул,
Запнулся за кресло и... охнул:
Не смог дотянуться до «пушки»...
«... проклятые, бля, нули...»

ОДНА ДЛЯ ВСЕХ

Портрет этой Дамы – пером не схватить,
Понять Её суть – не шкатулку открыть,
А паче – не слиться в объятиях с Ней!..
Не бей в барабаны и клясться не смей!..
Я жду эту Даму чрезмерно давно:
Уж новым букетом созрело вино
В дубовых бочонках за двадцать семь лет...
Зима на подходе, а Дамы всё нет.
Но будто я вижу Её маячок,
Что свято хранит под крылом светлячок...
И будто я чувствую слов Её жар...
Но стрелки клонятся и... не удержать...
Эй, что это там? Океанский прилив?
Куда ты? Одумайся!.. Нетерпелив,
Настигнут волною, ты слаб перед ней...
Пугливее ветра, тумана бледней,
Ты тонешь в объятиях, руки воздев,
Теряя себя в похотливости дев.

Нет, имя Её не для каждого – знак.
Немало «поэтов», кто видит не так...
Но так или нет – всем Она в нашу кровь
Успела войти. Эта Дама – Любовь.

ХАЛЦЕДОНОВЫЙ ЛЕВ

Мягкой поступью стремительного зверя
Из прославленных поэтами лесов
Грозно вышел Белый Лев и возномерил
Отодвинуть нам кармический засов.
Вот он царственно ступает против круга
И трава под ним не мнётся, не скрипит.
Кто бы знал, что ниспошлёт такого друга
В мир сансары Небоявленный Санскрит.
Белокаменными мышцами играя,
Демонстрируя и мощь, и красоту,
Там, за облаком, Он движется по краю,
Многолучно ослепляя темноту.
Бел и крепок Он, подобно халцедону
И для молниевых стрел – неуязвим...
Неспроста, видать, дотронулся ладонью
До чела Его Сияющий Брахмин.
И потряхивая солнечною гривой,
Преисполненный отваги, зверь готов
Прорычать великий зов непобедимых,
Нас покинувших до времени Родов.
А дыхание у Льва – прохладный ветер.
А глаза у Льва – цветы бенгальских роз.
И спешат к нему восторженные дети,
Словно пчёлы на весенний медонос.
Дай же, Солнечный, нам смелости и силы
Стать Огнём, перерождаться перестав,
Чтоб идти вслед за тобой по краю сини
К тем вратам, где не препятствует Звезда!

ВЕЧЕРНИЕ ГОЛОСА

На землю спустился вечер.
Зажглись квадратики окон...
Иль звёзды сошли, ненароком
Повиснув на ветках яблонь?
В беседах мужчин и женщин
Блуждают знакомые токи...
Деревня в деревьях тонет,
Встречая прозрачный сентябрь.

За дверцей избёнки старой
Я слышу взволнованный голос:
– Пойду, заварю себе чая...
А ты и от водки хорош...

Другой лишь вздыхает устало
И кашляя, не отвечает,
Как будто б живут они порознь...
Но всё же ответил:
– Не трожь...
Езжай-ка ты лучше в город...
А мне и без бабы сладко.
А то, что штаны не зашиты,
Так это ведь – ерунда...
Погодь, у меня будет скоро
Такая, прикинь, зарплата,
Что...
– Хватит болтать! Иди ты...
– А может быть, скажешь куда?

Застрёкал в траве кузнечик,
Волна закачала лодку
И лёгкий холодный ветер
Вспугнул на берёзе листву.
Всё тише и тише речи.
Мужик допивает водку.
И месяц усталый бледен
Вскарабкался на сосну.
И что? Человек немного
Вошёл диссонансом в благодать...
Так это ведь жизнь... А значит,
В клубке – до хрена узелков...
И женщина смотрит не строго:
В душе её теплится радость...
И не замечая, что плачет,
Вздыхает:
– А мне-то легко?

СТРАХ ПРЕД ТИШИНОЙ

Дед слушает пред сном эф эм-волну.
Гудит протяжно жаркая печужка.
Расплющена под головой подушка,
Но мыслей ход не тянется ко сну.
Картавый лай собак там, за стеной,
Где краем огорода ходит кто-то...
Да вот вставать с постели не охота,
Как нет охоты слиться с тишиной:
Она его всё более страшит
И в тьму ночей уводит за собою;
И если болен он – то ею болен:
Неясный страх покоится в тиши;
(и мы бежим всё дальше от неё
в большом оркестре спрятаться меж скрипок...)
И дед уснул. К стеклу прилипла липа,
Как будто хочет заглянуть в окно.
И пёс скребётся в дверь, – видать и он
Решил найти укрытье в этом звуке...
А дед закинул за голову руки
И... зацепил приёмничек.
На по'л
Упала песни прерванная нота...
Установилась в доме тишина...
И вот уже ни музыки, ни сна...
И страх опять пред ним влолборота...

В РАЗДУМИИ НАД ПЫЛЬНЫМ МАНУСКРИПТОМ

Меж запыленных старых страниц
И коричневых выцветших строчек
Скрыта тайна Небесных Границ:
Мне знаком её ангельский почерк.
Те границы её неспроста
Византийская чернь забелила,
Отстранив нас от дали былинной
И волхвов Золотого Ведства...

Атмосфера христианских житий
С перепутьями страхов, сомнений?..

Вот, застигнув врага на пути,
Я мечом отбиваю каменья,
Заклинаю ветра не гудеть,
Не сдавая паюровым тучам
Белонебья полдённую треть
И... безлистно торчащие сучья...

Чья-то ночь неусыпной тоски
Стеарином расплылась по строкам...

– Не смотря ни на что, не смотри,...
Превращаясь в молитвенный кокон!..

Что скорбящий он знал о Любви,
Проживая убогим монахом,
Уязвимые чувства свои
Скрыв за чёрной материей страха?
Мне в подмогу – Языческий Бог!
И пускаю я вскачь вороного,
Ни в пример, удивляясь собой,
Что сражаться могу лишь по зову...
И канонами не удержать
Сердце воина и славянина!
Что ты тычешь мне пальцем в скрижаль,
Дух полей обвиняя в гордыне?
«Обойти эту книгу нельзя,
Как нельзя не дышать...»

Ну, ещё бы!
Мы ведь кто? – Дикари из трущобы,
Так похожие на поросят...

«...и читая под божьим лучом,
Чистый слог, ясный смысл ощущая,

Всех на свете любя и прощая,
С этой книгой ты вновь обречён
На любовь...»

Обречён ты на смерть
С этой книгой, о, жалкий плебей!
Отвернувшись, решил ты поддаться,
С крестоносцей зла обвенчаться,
Даже слова сказать не успев!
Подбежав по-собачьи к столу,
Куцым хвостиком нервно виляя,
Возлюбил ты врагов, полагаю,
За хорошую кость и глодая,
Род Сварожий обрѣк на хулу...

Ты зовёшь меня, «друг»,
Отворить «гиацинтовый терем»? -
За кириллицей сладкой на звук,
Погружение действием проверить?

Но не внемлет обману душа,
Выбрав Радость, Простор и Свободу!

ТАНЦУЮЩИЙ ВОЛШЕБНИК

Зажги меня, танцующий волшебник!
Что может быть прекраснее, чем танец!
Небесный шёлк и вод лучистый глянец
Пришли под флейту в плавное движенье.
Расправились тяжёлые бутоны,
В ладонях лопуха искрят росинки
И в блеске том балеты насекомых
Легко импровизируют в ложбинке.

Над пёстрым тюлем музыки весёлой
Рассыпался пернатых звонкий щебет!
Зажги меня, танцующий волшебник,
Сплета ветра в гудящую виолу.
Танцуй в лугах, танцуй на кромке неба,
Танцуют пусть с тобою даже звери...
Ситаром отзовётся каждый стебель,
В восходе превратясь в павлиньи перья...

Божественно! Но в свете постоянства
Мне не хватает капельки унынья,
Как сахара в чрезмерно пряном ястве
И разума над фразами пустыми.
И в этом волшебстве – я остываю,
Я выхожу потерянным из танца...

Нельзя безмерно счастьем наслаждаться,
Вино Любви, по чашам разливая.

АМУЛЕТЫ ЛЮБВИ

Лежат на груди, жарким сердцем согреты,
Хранящие память твои амулеты.
И тайна, что вложена в них неспроста,
Готова обжечь ледяные уста.
Мы помним о них в невесёлое время,
Когда не искрится истёршийся кремень,
Когда светлячок маяка не горит
И с болью столкнувшись, душа не болит.
Мы просто забыли... Да, просто забыли
С кем в прожитом времени счастливы были.
А памяти шторы раскрыть нелегко:
Желанье забвения в нас велико...
Не прячьте, о люди, свои амулеты!
Пусть будут они вашим сердцем согреты
И в трудное время вам даётся в сто крат,
Заместо холодных и блеклых наград!

ИЛЛЮСТРАЦИЯ №1

Проведите меня, люди добрые,
Коль не могут «святые отцы»,
Через веру в уродливых гоблинов
По горячим следам Лао Цзы,
Где свисает над городом-кладбищем
Сеть сплетённая рейх-пауком...
(и чего это Рихард по клавишам
расстучался стальным кулаком?..)
Подскажите мне, Силы-Архангелы,
Как в пути обойти эту топь...
Но, увы, Ваши яркие факелы
Превратились в огни Шапито...
Иль ослабли вы, Несокрушимые,
Что так часто теряется связь?..

...и орут полководцы плешивые
За трибуны когтями держась.

ОХОТОВЕДЧЕСКИЕ ЯМБЫ

Поверь, медведя, как известно,
Земля врагу не выдаёт.
... спастись бегством? – бесполезно:
Лететь ему среди болот -
Что по тропе... Единым махом,
Нагнав, тебя собьёт он с ног.
Да ты и сам помрёшь от страха,
Охотоведенья знаток...
Начнёшь орать, да сыпать маты,
Крутить башкой – куда б залезть...
И тут уж не до виноватых,
Когда в глазах вскипает месть...
За всё и вся нам мстит природа:
Когтём, клыком, пожаром, тьмой,
Чтоб не могли найти мы брода
С трофеем шлёпая домой.
Но не престало извиняться
Царю земли перед слугой!
И вновь гремят в походном ранце
Подарки смерти за спиной.
Отдать под суд? Ага! КонЕЧно!

...и безнаказанный злодей,
Спустив курок ружья, беспечно
Опять стреляет в медведЕй.

ВОРИШКА

С глазами, как у дохлого ерша,
Шагал по краю острова воришка
Одетый в старомодное пальтишко
С дырявым карманом без барыша.
На иве, на берёзе, на ольхе -
Листок с пятак... А значит, будет рыба...
И он её за хвост поймает, либо
Слюной давясь, свихнётся на ухе.
«О, чёрт возьми!.. На свеженьком плюще -
Помёт медведя: шапкой не прикроешь...
Ты что мне тут засаду, бурый, строишь?!..
Забыл кто шкуру спас твою?!.. Вааще-е-е!..»
А из кустов за ним уже глядят
Две пуговицы чёрных глаз звериных...
А так хотелось сбить себе перину
И устремиться в сон, через закат...
Пять деревень протопал вор, а зря...
Иссякли силы, голод гложет кости,
Притуплен ум, а нерв – гудит от злости...
Как вдруг – «мираж»: избёнка у бугра.
Дверь приоткрыта, в доме тишина,
Забор прогнил, а сад зарос бурьяном...
Невероятной магией обманут,
Он в дом вошёл и... рухнул у окна.

Был долог сон. Проснувшись на диване,
Перед собой увидел он дедка...
А тот ему: «Откушай молока...
Давай, вставай, сготовилась баня...
(а баня та едва была тепла)
Силёнок нет дрова колоть... Во дожил!..»

... и понял вор, что доброта дороже,
Чем медный цвет украденного зла.

ЗНАХАРКА

Идёт-бредёт сквозь вычуры лесов
Старушка – всем известная колдунья.
Идёт-бредёт на чей-то тайный зов,
О самом главном в жизни памятуя.
В коробочке на поясе у ней
Гремят четыре камешка от зверя...
Пойдёшь за ней и десять тысяч дней,
Не чудо ли, промчатся за неделю.
Ты многое поймёшь, идя вослед
Седой старухи, знахарки от Бога...
И страха нет, и боли тоже нет.
Есть только Солнце, Небо и Дорога.
А коль дойдёшь до домика её
(и пусть стоит он на куриных ножках) -
Не устоишь, огнём заворожён,
Чтоб не спросить её о невозможном.
А вдруг она раскроет свой секрет,
В росе под утро собранный гербарий,
И разложив, ... нащупает ответ,
Да пару слов своих ещё добавит?
Затем тебя посадит у печи,
Обдаст теплом, сомнения лишая
И пред огнём оплавленной свечи,
Погонит прочь того, кто так мешает.
Да я и сам глядел в её глаза,
В доверии отдавшись без остатка,
Дивясь тому, как та могла смотать
В один клубок презренные нападки.
Затем благодарил её, достав
Из партмане хрустящих пять «бумажек»...
Но знахарка, в замок, сомкнув уста,
Взглянула так, что страшно стало даже.
Я оробел и вышел на крыльцо...
Пугливый кот глядел из-за гвоздики
На то, как я кривил своё лицо,
Невесть кому, раздаривая фиги.

А надо мной кружилась мошкара,
Всё время целясь избранно и точно.
Недаром, видно, бабушка добра
Была в ответ, согласная помочь мне?

ВО ТЬМЕ ПРИВИТЫХ СЛОВ

Когда лишь ветер мог сорвать листок,
А молния – пронзить живую душу,
Вздыхался в центре острова чертог,
Что полнился монахами. Послушны
Монахи были Слову. Купола
Манили их к высокому покою.
Нашли приют здесь бывшие изгои,
«сходя с ума», сгорая спрехвала.
Лишь колокол ударит на заре,
Как те уже с молитвою вставали...
А жизнь спустя, послушно отбывали
В потусторонний город – Назарет.

Легка ли доля? Вытеснив врагов
Из шатких мыслей, плача втихомолку,
Отдать пришлось намоленное – Волку
Мамай-орды, с товаром до краёв.
Средь голых стен печали не снести.
Гудели ветры... Лаяли с амвона,
Зверья от поклона до поклона,
Степные азиатские вожди.
Века прошли, пока не воссоздал
Народ свой мир под маковкой крестовой,
Забыв свои первейшие основы,
Он славил ложь и с ложью умирал
Во тьме и страсти злом привытых слов,
Усердно выдавая их за правду.
Загнав луч Солнца в чёрную лампаду,
Воссел на трон сикстинский богослов.
Так правил он, уroda за уродом
Провозглашая ставленником зла,
Воцерковляя всякого козла
Служить его святейшеству в угоду.

И вот чертог, столетьем не тревожим,
Опять попал к хазарам под пятау...
И заражённый вирусом безбожья,
Боящийся шагнуть через черту,
Служитель культа звёзд не замечает,
Блукая в лабиринтах долгих снов...
«Я не готов. Ещё я не готов...», -
Пред образом он, молча, отвечает...

РАДУГА

Прочертилась без карандашей
Арка семицветная под тучей.
И с зеркальной радостью в душе,
Я спешу цветение озвучить,
Чтоб по-настоящему принять
Этот знак – спасенье миллионов;
Этот знак, что может воздымать
Из забвенья тысячи влюблённых.
Семь цветов – как семь чудес: они –
Окаём Всевидящего Ока...
Нам ли быть теньями перед Ним,
Обращаясь с Правдою жестоко?
Но сей мир – не создан для Высот
И светлеет радужное диво...

... жизнь пройдёт, но пусть она пройдёт
Семицветной радугой, красиво...

ВЧЕРАШНИЙ МАЛЬЧИК

Он говорил:

– Мне здесь завязан пуп.

Анисья-бабка сказками кормила.

И старый поп, что был на слово скуп,

Дымил вокруг меня своим кадилом.

Я – сын природы. В лёгком естестве

Мелькнуло детство, как за вздохом выдох.

И то, что я в лесу на бересте

Врезал ножом – почти уже не видно.

Я рос с травой, листьями, хвоей,

Я вместе с рыбой в озере плескался

И незаметно в «таинство» своё

Плывущим в небе облаком вписался.

Промчались годы. Только и теперь

Я возвращаюсь выцветшими снами,

Открыв на миг незапертую дверь,

Как престарелый маг, за чудесами.

И мне тогда на ум приходит мысль,

Что жизнь свою я, в общем то и... прожил...

Теперь я кто?.. Зависим, глуп и лыс:

Сухой моллюск, что солнцем обезвожен...

Договорив, достал свои «ноль-пять»

И без закуски выбулькал, как воду:

Вчерашний мальчик жаждущий летать

И он же – зэк, шагнувший на свободу.

ЖОПАЧА

(из воспоминаний одного деревенского мужичка)

Мы исползали на задницах с ребятами
Все ближайšie поляны, хохоча...
До сих пор наверно там трава примятая
Помнит милую игрушку – «жопача».
Отбивали мы свой мяч ногами слабыми,
Что в промашке иногда трещала грудь.
Эх, крутились мы, от боли землю грабая,
Но играли, чтобы вдруг не соскользнуть
И не вылететь пинком под смех и возгласы,
Посрамлено уходя через поля...
По сию пору каракатицами ползая,
В этом деле мы – почти учителя...
Но до первого «мяча», до неприятностей...
И как в детстве, в шмоть изодраны «штаны»,
Совершённую ошибкою запятнаны,
Мы...
всё тою же игрой увлечены.

ПСИНА

Ну что ты смотришь жалостливо, псина
И ждёшь усердно взгляда моего?
В бездомности своей ты не спесива, -
Подобный нрав даётся нелегко.
В любых глазах ты ищешь только друга.
Впустить тебя – всё тоже, что предать:
Невиданною верностью напуган,
Тебя впустивший станет – выгонять,
А ты – скулить, искать предлог остаться,
Давясь слюной, раскрыв в улыбке пасть...
Не от того ль нам с Небом не связаться?
А коли так – не лучше ли пропасть?
Кому нужны неласковые люди:
Их пасмурные души – не отмыть...
А потому та псина кость добудет
Совсем не там, где надо бы добыть...

... И ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ

Дрозды-шустрецы облепили кусты
И шарообразною стаей кружатся
Над теми кустами, что были густы
От ягод, с которыми можно расстаться
Дня за два. А после – банальный итог:
Последняя ягода. Вот наказание!
Останется только прочесть эпилог:
«Кому-то – урок, а кому-то – экзамен...»
Таятся повсюду свои сорняки,
Раскрыться в цветах не давая побегам.
И хочется крикнуть, что силы: «Беги!
Спасайся!...» Да только не все могут бегать.
Возможно ли это – от зла убежать? -
Поверь, оно всюду следит за тобою
И ждёт не дожётся, когда ты восстать
Решисься, Герой, подготовившись к бою.

Хватило минуты, чтоб снова начать,...
Зашторив полнеба пернатою сеткой.
Трещит под когтями ослабшая ветка:
Последнее птицам готова отдать..

ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ВСТРЕЧА

Мир в хату, дед Иван! Не обессудь,
Что в Ильин День я всех кормил стихами.
А кое-кто, ты помнишь, «отдыхая»,
Меня готов был взглядом развернуть...
Страхнув пылицу бессонницы, я вновь
На полную грудь дышу таёжным краем,
Где щедрый стол, в Престольный, собирая,
Так много вами чувств привнесено...

Презрев свой дар, молчать я не могу
И новый стих хоть ветру, но читаю.
Здесь к творчеству земля располагает,
Что так легко плетёт во мне строку.
Я шёл к тебе по Марковой горе
Ещё вдали приметив контур ёлки...
И пусть соседи множат кривотолки,...
Мне люб твой дом, где сев на табурет,
Легко поверить в счастье... А скворец
Поддержит, как всегда, простецкой песней...
И не пойму я, старый, хоть ты тресни:
К чему они – стакан и огурец?
Ещё стоят, ещё чего-то ждут,
Но всё-таки, оставшиеся в прошлом
Фрагменты жизни: ставни, вёдра, плоски...
А брёвна стен, что за сто лет живут?
Шагнув в твой дом, я выхожу на взлёт:
И даль – ясна и в Еселы гармони...
А, наливай! Пускай не подведёт
Тропа судьбы на старческой ладони!

НЕИЗВЕСТНАЯ ПРИМЕТА

Летучая мышь залетела в избу, -
Писклявой занозой непрошено вторглась...
«Имеешь нахальство разладить судьбу?», -
Глядел на посланца Сергеевич косо...
Ни выпытать правды у чёрной души.
Но в мерзко пищащей, он чувствовал что-то...
И бедный старик, огорчившись, решил,
Что жизни клубок, «...твою душу!», размотан.
А после забрался на старенький стул,
Утешил себя барбарискою вкусной,
И... мышку, что билась пугливо в углу,
Поймав за крыло, широко улыбнулся.
Он вынес в ладошках её на крыльцо
И выпустил прочь, ни о чём не жалея.
«Что будет – то будет... В конце-то концов,
Подобных прилётов быть надо мудрее...»
Летучая мышь залетела в избу,
Ни чуть не уменьшив ни боли, ни света...
И дед, сам себя приужалив по лбу,
Особо не стал сокрушаться об этом.

светлой памяти Михаила Евдокимова посвящается

СЛОВАМИ СКОРБИ

Сорвало ветром бабочек с анютиных цветочков.
Рванулись травы в полюшке да из последних сил,
Как будто бы почувствовав, что в стороне восточной
Погиб без срока-времени наш дядька Михаил.

И что-то не смеётся нам над шутками с экрана:
Сознание болью схвачено... Погиб такой мужик!
Не лез бы в грязь политики – и не ушёл б так рано.
Среди бандюк не вошкался б и мог ещё пожить...

Скорбит Земля Алтайская. С рассветом медлит солнышко.
Деды да бабки охая, к заутрени встают.
И молится и морщится продажный поп о помощи
Безвременно ушедшему, не веря в божий суд.

И кто ж теперь заступится за бедную Рассею?..
И кто ж теперь утешит нас по-свойски да споёт?..
Не за три дня рассеется сухой листвой осенней
Печаль народа Русского на Русского уход.

...НО ЭТО БЫЛО

Почти не верится сейчас, но это было...
В дремучей давности нетронутой тайги:
Деревней-улицей невЕдомье ходило,
А местный люд его прикармливал с руки.
И ежли праздник был какой, то отовсюду
За людом следуя, шли звери на поклон,...
Под песни сладкие, под гусли-самогуды,
Во Славу Ирия – одной из трёх сторон.
И часто можно было зрить, забавы ради,
Как вслед за лОдьей развесёленьких гостей,
Повадки хищника по сытости утратив,
Переправлялася семейка медведЕй...

... и вот уж хочется огня, во пляс пускаясь,...
Да под медовую забористую хмель;
... с подружкой лЮбою милуюсь и ласкаясь,
Сносить от жаждушки стеснения с петель...

А нынче, звери то, за сотни вёрст обходят
Деревни тёмные, безглазые дворы,
Где гниль колодезей, промУтившая воду,
Цветёт под рыхлою ледянкой снежуры.
Но будто чувствуя... расплывчато и зыбко,
Устав до смертушки в себе себя губить,
Мы возвращаемся... к разросшимся ошибкам,
Чтоб с навьим миром о грядущем говорить.

ТАЙНА ОЛЬХИ

Накинув тень на хрупкую красу,
Под кроной клёна нежится ольха.
Боясь испугнуть прохладную росу,
Ольха совсем юна, чтоб засыхать.
Но стоит только ветру набежать,
Как вмиг роса становится слезой.
В кругу ветров, взволнованно дыша,
Тревожно ей, невесте молодой...

– Не плачь, не плачь, ... Взгляни, какая синь!..
А Солнце, видишь? – будто под фатой...
... и всё же мир не жарок, а красив,
Как цвет небес засушливой порой.
Чего боишься? Полно! Перестань!
Не возбуждай услужливую ложь...
Я не узрел, тебя перелистав,
Садовой розы палевую брошь.
Знай, красоты цветка не соблюсти
На долгий срок любви. А потому
В ином цветенье нам с тобой расти,
В полутонах зелёного тонуть...
Твой гибкий стан дрожит в моих ветвях...
Но что за страх, когда сплетясь листвою,
Мы гнёзда можем вить для соловья
Живя в единой сцепке корневой?..
Прости меня, я большего не жду...
Пускай ветра, пускай раскаты гроз...
Но коль весна, весны им не задуть!
Не плачь, ольха! Освободись от слёз!

ЭТЮД

Не торопитесь, юная настурция,
Привлечь к себе трудолюбивых пчёл,
Пыльцой любви, ускорив эволюцию,
Где всякий мир на гибель обречён.
Не торопитесь: Флора не пробудится,
Послушной девой по ветру дыша...
Всему есть срок цветенья. Будьте умницей:
Не вам, принцесса, в выборе решать.
Но что вошло, то вряд ли остановится,
Диктуя нам условия свои.
Так в чём же тут, пардон, загадка кроится?
Неужто снова, господи, в любви?
.....

Давай, пали огнём не дозревания,
Бросая змеи алого вьюна,
Голодный март благого зачинания,
Сведя снега до пьяного вина.

СОФЬЮШКА

За болотом клюквенным заблудилась Софьюшка.
Вокруг камня серого бродит чуть дыша...
Собрала с усердием полное ведёрушко, -
В ягоду бардовую вложена душа.
И шумят над Софьюшкой стройницы взволнованно.
Ветерок испуганно рвётся второпях.
Вся дрожит, стоит она, к валуну прикована,...
Ощущая горькую сладость на губах.
Уходила тропками, всё искала выхода,
Но да к камню серому возвращалась и
Вопрошала девица, всё хотела выведать
У сосны да ёлочки верные пути.
И в конец измучена, со слезой горячею
Села возле камня, в горести тужа,
Словно бы смирилась с долей невезучею,
От которой Софьюшке некуда бежать.
Вдруг, как пырхнет рядышком из кустов черёмухи
То ли птица совушка, то ли ястребок...
И очнулась девица, распрощалась с дрёмою,
И пошла за птицею не жалея ног...
Всё случилось к счастью хорошо и вовремя, -
Добрела-дотопала – ни каких хлопот...
И не знала Софьюшка, что брела за вороном, -
Знать того не ведала, кто её ведёт.

УПУЩЕННОЕ ЧУДО

В городе Крупки, на старом перроне,
Девочка скорого поезда ждёт...
Если сказать без лукавых ироний:
Миг ожидания – липовый мёд.
Поезд, наверно – большая игрушка,
Схожая с той, что лежит на полу
Рядом с другими, где кукла Петрушка,
Сломанный робот да мишка в углу.
Сердцу неймётся... Стеснённые чувства
Можно прочесть по округлым глазам.
Что ж эта даль всё никак не отпустит
Взгляд ожидания. Даже слеза
Струйкой по щёчке... Ведь скоро свершится
Некая радость, способная стать
Чудом... Но чуду мешает случится
Именно то, что приходится ждать.
Сонный диспетчер читает не скоро:
«Поезд идёт с опозданием в час...»
«...вот те и на те... Какой же он скорый?...»
Сядь, посиди, не уедет без нас...», -
Будто бы кто-то промолвил несмело...
Девочка села, зевнула и... в сон...

... птицы летели, вагоны летели,
Пятый, десятый, последний вагон...

Милый ребёнок, хотел ли ты чуда,
Чтоб в ожидании сну уступать?
Знаю одно, что восторгов не будет
Если желанную встречу проспять.

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ

Не живёт, а скорей доживает
Изнурительно долгую жизнь
Одинокой судьбы каторжанин,
Не успев завершить платежи
За любовь, что шептала на ухо,
За восход, что взойти не успел.
Жизнь прошла поэтапной разрухой,
«Робин Гуда» оставив без стрел.
А теперь – обмани соколицу,
Если камнем да в тартарары,
Где в три дня суждено раствориться
В разноцветном дожде мишуры...
Уж не та ли мгновенная птаха
Величается нами – судьбой?
Жизнь прожить и подняться на плаху?
Быть в Любви культивируя боль?
Не успел ты, старик, разобраться
В этом пёстром панно красоты
И... теперь тебе лучше признаться
В абсолюте своей пустоты.
Круг очерчен и выйти из круга
Не по силам в прыжке огольца...
Серый дождь, неуёмная вьюга
Да безглазая маска лица.

ГОРОДСКИЕ ОТТЕНКИ

Ну, здравствуй, тёплый город, весной смутивший души!
Твоих проулков груши вне срока тяжелы...
Вдыхая чистый воздух, дыханию послушный,
Я вижу, как изящны походки пожилых...
Не торопясь шагаю по улице акаций,
Что розовою лентой украсили проспект,
И как в далёком детстве я жажду восхищаться,
И жажду верить в чудо, что зла на свете нет.
Сегодня я поставлю свечу пред словом – «тайна»,
В раздумиях о Вечном, прочувствую Любовь,
Ведь Небом дан нам разум не даром, не в подарок...
Он дан нам, как надежда в ночи на свет скупой.
И с этим светлым словом захочется мне, верно,
В желаньях дерзновенных творить одно добро...
Но всё решится снова весьма обыкновенно:
Нагонит ветер тучи... и в результате – гром...
Ну, здравствуй, тёплый город – простое многоцветье,
Где в каждом переулке лежит на листьях свет,
Где словно ангелочки вокруг летают дети
И я за ними следом, угрюмый домосед,
Забыв, что постоянство – не долгий гость сознания,
Наивно полагая, что счастье – навсегда...
Хоть столько аргументов повсюду в оправданье
Победного триумфа имеет красота.

БЕЗВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

Безветренный день. О, как долог безветренный день!
Клокот яркой Вселенной обошёл и не тронул его;
К счастью выдался он, не увяз по часам в ерунде...
Но, как долог безветренный день! Мы вдвоём
С этим днём... Успокоить сознание?.. – под стать
Просветлённому йогу, проведшему жизнь на воде,
Чтобы кем-нибудь стать, обязательно кем-нибудь стать:
Пятьдесят – для прозренья ещё не предел...
Безветренный день. Не один я дышу этим днём.
Муравьиная жизнь охватила деревню. С утра
Звуковой паутиной вяжется шёпот... В ином
Измеренье витийствуют злые ветра.
Молотки по гвоздям... – аритмичным биением... Пусть.
Тишина обнажила электричество нервов. Бутоны
Раскрылись жужжащему миру в искус...
Расплылась тишина, заменив полюса на ионы.
Воздух свеж.
Не бегут облака.
Рыба в зеркале вод неподвижна.
Так и хочется крикнуть,
сорвать паруса
и... погнубнуть в момент
Или, может быть, выжить...

ВОПРОС

– Разрешите, Иван Сергеевич,
Прицепить к вам один вопрос:
Почему в основном из-за мелочи
Человек летит под откос?
Или что-то в нём истощается,
Что не слышит он голос души?
Почему, когда с правдой встречаются,
На язык переходят лжи?
Всё впусую! Да что за оказия -
Непрестанно блуждать в естестве
Двух полей полигона Евразия,
Где так любят Христа на кресте?
И плодящиеся в разложении,
Изменившие тьмою свет,
Мы даруем свои достижения
Обитателям низших планет...
Коль Вселенское нам не по разуму,
Значит не по челу венец.
До предела расширив азимут,
Меж «прямыми» поёт свинец.

Удивившись, Иван Сергеевич
Без эстетства морщинит лоб:
– Отвечать, что ли надо теперича?
Как пред пастырем юный поп
Быть с тобою боюсь в несогласии...
Ты наверно, Михалыч, прав:
Очень падки мы на безобразия
Усомнившись в победе добра.
Облачаемся в чёрную мантию,
Волоча за собою шлейф...
Лишь к персоне своей внимательны:
Дел нам нет до чужих соплей.
И по мелкому снова и снова
Подстрекаем соблазном плоть...
Вобщем мой те ответ: херово...
Но ты всё ж унывать погоду.

ТЕНИ

В старом заброшенном доме
Поселились какие-то тени;
Днём их почти не видно, -
Калитка не скрипнет даже...
Они выбирают время,
Когда их ночные владенья
Огарок свечи освещает
Мерцающей тайны на страже.
Тогда их костлявые пальцы
Дрожат над свечой в окошке...
И речь – не ясна... А хохот -
До холода по спине...
Ну, кто ж там, в избе напротив
Живёт... чересчур осторожно
И нам не даёт покоя
Четырнадцать долгих дней?
Всё просто, как оказалось:
Пришельцы – всего лишь пьянчуги;
Ночной их театр – не тайна,
А буча вокруг бутыля...
Стесняясь за вид свой мерзкий,
Нормальных людей учуяв,
Сжигая по рюмкам время,
Они выбирают яд...
Да только вот выбор этот
Сродни предсмертному стону:
Не долгов момент, когда их
Сей дом под себя погребёт...
Но дом хоть и стар годами,
А этих жильцов – не стоит:
Они представители смерти,
А он –
наоборот...

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Верни мне первый день июня,
Зелёный занавес расшторь...
Ты подскажи, моя колдунья,
Тропу в рассветную лазорь;
В леса, где птиц я не дослушал,
В поля, где я не дооткрыл
Мир незаметный, мир нескучный,
Звонящий миллиардом крыл.
И там, в фиолетовом пространстве,
Где млеют бабочки-цветы...

«Не мучь себя ты понапрасну...», -
С тоской в глазах ответишь ты.
И не вернёшь,... и не позволишь
О дне минувшем сожалеть,
Ведь жизнь – мгновение всего лишь...
... и ни чему не уцелеть.

РАССВЕТНО-МИНОРНОЕ

В туюске берестяном
Водка, корка да махорка...
Глупо, друг, блага отторгнув,
Сокрушаться о земном...
«Как тут горькую не пить,
Если скорая могила,
Если старость победила
До того, как начал жить?..»
Верю, доля не горька
Воспарившего над миром.
Прозревайте, командиры,
Тайной горького глотка!

Светлой памяти Александра Павловича Иванова

ПОМИНАЛЬНОЕ

Прощай мой товарищ, прожил ты не просто
На этой планете свои «шестьдесят»,
Оставив на память июньские звёзды,
Что нам этой ночью так ярко горят.
.....

Какое воздушное слово – Свобода!
От топи болот, паутины и тьмы
Пришли мы к нему, словно талые воды,
Стремительной силою наделены,
Оставив покои гармонии ради,
В тайге растворившись, где тишь да укром,
Забывтой тоскою раскрасив тетради,
Чтоб синие строки читали тайком
Такие же дурни, которым не надо
Стращать, убивать, отбирать, продавать:
От первого взгляда до скорбной ограды -
Огромное Небо да жажда – летать.
Есть дом кособокий, простецкая лодка,
Рыбацкие сети, котёл, сапоги
И к доброму гостю – студёная водка...
А чё ещё нужно, чтоб жить, мужики?
И всё это – счастье. Ведь счастье находят
Отнюдь не в шкатулках, ларцах, сундуках,
А в раскрепощённой духовной свободе,
Которую, братцы, не нужно искать.

Жаль, радость такую откроет не каждый;
Не каждый счастливчик с лихвой зачерпнёт
Рассветного неба, взмывая в бесстрашье,
А после, быть может, и Бога найдёт.

посвящается Сергею Петровичу Митрофанову

АНГЕЛ ПЕТРОВИЧ

На зов о помощи, не всяк, за будь здорово,
Способен собственной душою пренебречь.
Как неохотливо мы тянемся за словом,
Что может к радости несчастного зажечь!
Что не даёт нам быть людьми? Какая сила
Нас прожигает равнодушием костра,
Когда склонившись над предательским курсивом,
Мы нервным почерком размазываем страх?
Мы задыхаемся, не сопереживая,
Углем да сажею раскрашиваем свет
И в темноте своих отравленных желаний
Не видим Ангелов, как будто бы их нет...

Я, к счастью, знаю одного: зовут – Петрович.
Его спрашивать не нужно по беде:
Он даже ночью, по-солдатски с койки вскочит,
Лишь обратись к нему за помощью... Людей
Он замечает не по званиям-медалям,
Не по «невидимым» конвертам... Просто он -
Рукоположен в Человека Сострадания,
Совсем не ведая о том, что Ангел он.
Когда скучать Ему? (а выглядит устало...)
Издалека ещё махнёт тебе рукой...
И огорчения – как будто ни бывало:
Он лечит шуткою, – подход его такой...

Пусть не торопится колдун отвар состряпать,
Когда есть времечко потренировать по душам...
И что с того, что Ангел мой – крестьянский лапоть,
Не понимающий в науке ни шиша...
Воспринимая непосредственно и просто
Незамутненным, не обманутым умом,
Мой друг Петрович в рассуждениях о звёздах,
Расскажет ярче вам, чем скучный астроном.
Он может многое постичь – мой Ангел, кстати,
Без доказательств и финансовых затрат...
Царю лукавому за вашу боль заплатит
Своим страданием, что выше всех оплат...
«...но жизнь в действительности – спичечная вспышка:
И не заметите – как старость прорастёт
На месте, только что в любви зацветшей, вишни.
А вы ей под кору вживить хотите лёд...»

Но, чу! Вы слышите? Мне Ангел – Друг Петрович
Стучит в окно... И... я бегу до родника,
Где отмываясь золотой водой от ночи,

С потоком радости вливаюсь в берега,
Чтоб насыщать животворительным составом
Сухие корни обескровленных лесов,
Чтоб те леса своими кронами достали
До лёгких крыл и белокурых облаков.

ДЫРЯВАЯ ДУША

Бредёт по Южной улочке
В дырявой чёрной шляпе
Чертовски-пьяный дяденька
С букетиком цветов.
Нарциссы ли, гвоздики ли?..
И где ж он их оттяпал?..
Как вдруг запнулся, шмякнулся
И... – тишина. Готов.
Вчера ещё, как проКлятый,
Молился на распутии
И поминутно сплёвывал...
Мол, надобно бросать...
Как вот уж от желания
Остались лоскутики, -
Букет, который дяденьке
В обрат не воссоздать.
Пропил растяпа будущность,
Смял в мокрый ком и выбросил...
Молитвы ли, нарциссы ли
В руках не удержал.
Но не беда: на завтрае
Откуд-нибудь да выползет
Под шляпою дырявою
Дырявая душа.

ЛИСТОК ИЗ БЛОКНОТА

Где прячутся в соснах норд-осты
И сходятся в круг берега,
Я пью проозёрный воздух,
Снимая налима с крючка.
Азарт стопроцентного клёва
Меня притянул не на час.
Блестящим уловом взволнован,
Я, будто, впадаю в экстаз.
Смотрю: деревянные друзья,
Смолистой листвою шурша,
Свои ветконосные дуги
Подняли, чтоб мне не мешать;
Чтоб цепкий крючок рыбомана
В кудрявой листве не свистел...
И даже туман полотняный,
Сочувствуя мне, просветлел.
Катаются крупные капли,
Светло зеленеет листва,
Топорщатся дудки, как цапли,
Лоснится на Солнце трава,
Ракита простужено дышит,
Корнями схватив берега...
Там лирик нашёл свою нишу
И в ней – растворён... А пока:
Подлещик крючок объегорил,
Стянув червяка, как чулок...
Прохладно. Знать, скоро прогонит
Меня ледяной ветерок...
А ну, пропустите!.. На завтра
Я всех вас опять навещу
И сцену живого театра
Для новых стихов отыщу.

МУЛЬТИ-ПУЛЬТИ

Онежен цветом бархатистым
Прямоугольный огород.
Там тихо спит в углу тенистом
Большой кастрированный кот.

Желтеют в кудрях облепихи
Две равнодушные осы.
А на ветру, в шутейном лихе,
Как флаг, полощутся трусы.

Хозяйка (тётя пожилая)
Из дома вынесла в тазу
Натюр, слезою орошая:
Весь день у тёти ноет зуб...

Между ботвы – выюны гороха.
Цветки картофеля – желты...
Вчера в ботве собака сдохла
И оборзевшие коты

Хрустят на грядке огурцами,
Клубнику давят на десерт...
А им, всего лишь – порицанье.
Но, тихий увалень сосед,

Пожалуй, с этим – не согласен,
И резво спрыгнув с гамака,
Рванул к своей амурной пассии, -
К той самой тёте... Вот те на!..

За жизнь не буйствуя ни разу,
Поднял расколотый кирпич
И – «бац!» в кота... А кот, зараза,
Как заорёт: «Ты, что, Кузьмич?!..»

Средь гладиолусовых трубок,
Сражённый тётей пожилой,
Лежит сосед остывшим трупом,
А рядом таз с большой дырой.

Трещат под яблоками ветки.
Томатный сок раздул парник.
Невосприимчивый к таблеткам,
Хватает тётю нервный тик.

... ДА ВСЁ ПРО МАСТЕРА ИСКУСНОГО И ЗАВИСТЬ

Руками плотника мечта воплощена:
Воздвигнут терем у воды на зависть людям...
Да вот оказия: замучила вина, -
Пришла, проклятая, неведомо откуда.
Томят до смертушки строителя слушки
О том, что, дескать, на ворованные деньги...
Пылают злобою вчерашние дружки
И в жгучей зависти, собою не владея,
Гремят стаканами: «Теперь ему, поди,
Брезгливо пить да сообщаться с беднотою...
Сидит, там, в тереме, один, как господин...
Ну, ничего, паскудна тварь, мы те устроим!..»
«Да что стряслось то, чёрт возьми? и как связать
Одно с другим?..», – мужик раздумывал ночами...
Но потирая покрасневшие глаза,
Лишь пожимал в недоумении плечами.
«От коль умельчивость?!.. – гудел громовый бас...
(звенели стопочки, посверкивали грани...), -
Ни чё, вспомнянешься, отбрасывая нас,
Букашкой хлипкою барахтаясь в «сметане»!..»

...и рвался поУтру, гуляя по стенам,
Плясал скоморохом и скатывался с крыши
Огонь пожарища – кудлатый сатана,
Из окон терема искрою алой брызжа.
С тех пор: ни плотника, ни терема, ни слов...
Холмец уголиев – одно напоминанье
О том нетерпеже, подъявшем всё село
Противо мастера искусного деянья.

ИЗ ПИСЬМА К ДРУГУ

...полощется заря, бликуя на воде...
...лучится синева сквозь ангельские перья...
Не силами природ нам велено владеть,
А свет их принимать, безропотно доверив...
Украсть секрет любви и в формулу одеть
Навряд ли сможет маг, копируя природу...
Не золото в руках, окисленная медь
Оценит частый пульс дерзнувшего уroda.
Что крылья зря ломать и биться о стекло,
Подобие любви вымучивать от жажды?..
Без боли о других – не ощутимо зло,
Которое сожрёт с костями и не однажды.
Такой жестокий мир, такой никчёмный мир,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.